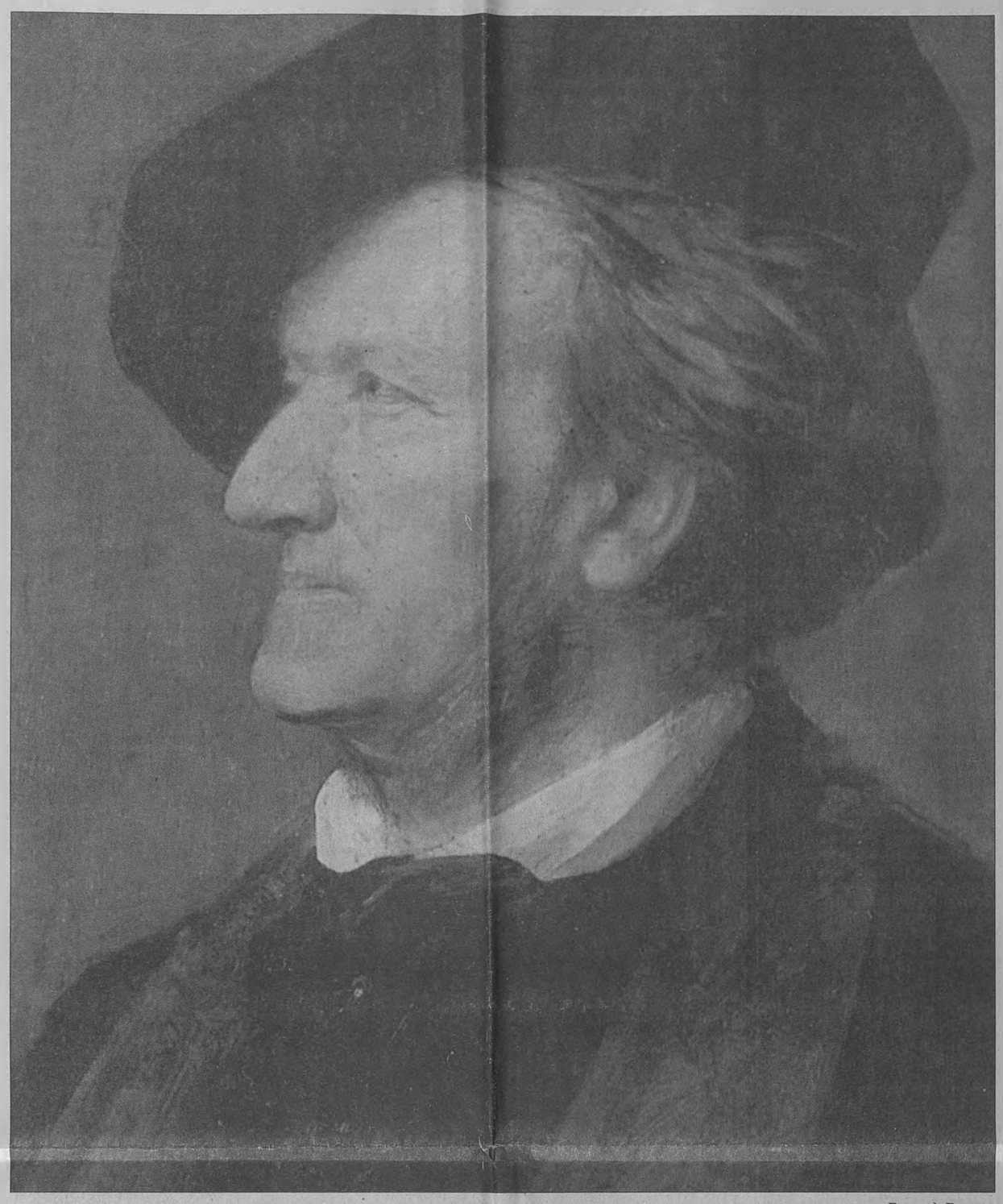
Вагнер Рихард 29.5.02

Культура. – 2002. – 23–29 мая (№20–21). – с.14

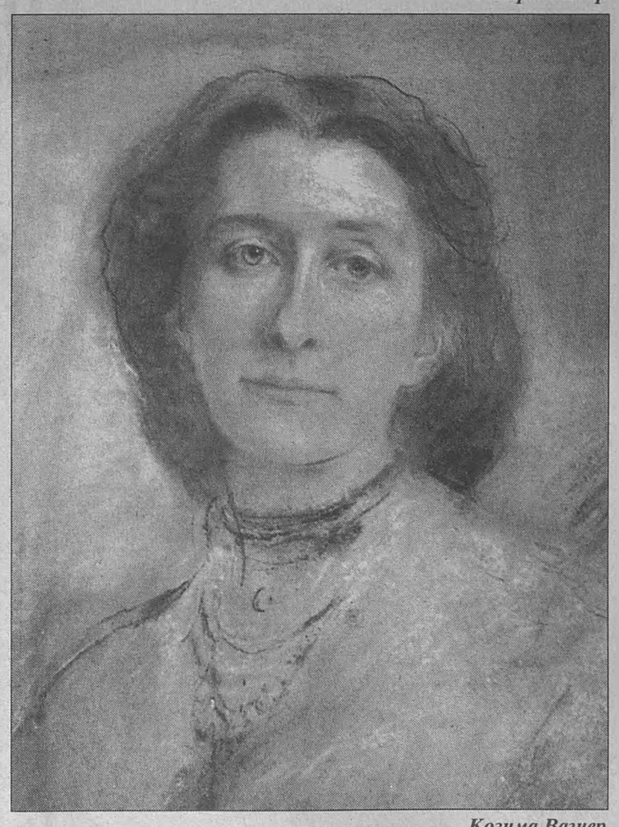
Любите ли вы Вагнера?

Вот уже более двадцати лет в Израиле предпринимаются попытки исполнить произведения Рихарда Вагнера. Музыку Вагнера перестали играть в тогдашней Палестине еще в 1937 году. Было это после "хрустальной ночи" в Германии, когда создатель Палестинского филармонического оркестра, знаменитый скрипач Бронислав Губерман, вернувшийся из Германии, заявил, что Вагнера играть не будет, объяснив, что Вагнер – это символ нацизма. Тот самый филармонический оркестр, который тогда отказался от Вагнера, вот уже более двух десятилетий пытается исполнить его. Это было в 1981 году, когда знаменитый Зубин Мета объявил о своем желании исполнить Вагнера, а израильская общественность ответила грандиозным скандалом. Попытка была повторена 10 лет спустя израильским дирижером Даниэлем Баренбоймом, реакция была такой же. В 2001 году Баренбойм все же исполнил фрагмент из музыки Вагнера с Берлинским филармоническим оркестром на фестивале в Иерусалиме. Это не изменило отношения к Вагнеру и его музыке. Вагнер в глазах израильтян остается символом нацистской Германии, и неисполнение его музыки в сознании многих израильтян стало нерукотворным памятником 6 миллионам евреев, погибших во время Холокоста. Сегодня мы предлагаем вниманию наших читателей статью, написанную знаменитым дирижером Юрием АРАНОВИЧЕМ полтора десятка лет назад. Нам кажется необходимым и важным опубликовать этот текст именно сейчас, когда проблема межнациональных отношений в нашей стране стоит достаточно остро. Похоже, что пушкинский Моцарт ошибался, утверждая, что "гений и злодейство несовместны". История вошствующего вагнеровского антисемитизма в очередной раз доказывает, насколько опасны идеи расовой ненависти и болезненной ксенофобии, когда исходят они не из уст полупьяного колбасника, а принадлежат представителям национальных творческих элит. "Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется". Увы, дано. Слова одного из величайших композиторов XIX века отозвались миллионами трупов и одной из страшнейших трагедий в мировой истории. Собственно, именно об этом и идет речь: об ответственности духовных лидеров наций перед историей и людьми.



Рихард Вагнер

Минна Планер



Козима Вагнер

"Евреи – это черви, крысы, трихины, глисты, которых нужно уничтожать, как чуму, до последнего микроба, потому что против них нет никакого средства, разве что ядовитые газы".

Р.Вагнер
Письмо к Козиме 1849 г.

В одном из израильских русскоязычных журналов я прочел, что о Вагнере больше нигде не спорят, кроме Израиля. Передо мной книга Клауса Умбаха "Рихард Вагнер" (Клаус Умбах – один из самых серьезных и глубоких исследователей творчества Вагнера), которая начинается словами: "Даже через 100 лет после смерти Вагнера его физическая смерть вызывает большие дискуссии. Был ли Вагнер вообще человеком? Был ли он музыкантом? Вел ли он священную войну за свои религиозные и шовинистические убеждения или занимался только тем, что прекрасными звуками изображал прелесть искусства?" Сама эта цитата говорит о том, что не только в Израиле и других странах, но и в самой Германии еще не решен вопрос – кто такой Рихард Вагнер. Не решен настолько, что второй том дневников жены Вагнера, Козимы, не разрешили печатать по цензурным соображениям, ведь дневники Козимы – это стенографическая запись ее бесед со своим мужем.

Мы много спорим о Вагнере. Спорим темпераментно, но я думаю, что не всегда знаем, о чем идет речь. Объяснений этому много. Прежде всего именно мы, выходцы из СССР, знаем о Вагнере меньше всех. В Советском Союзе Вагнер-человек был неизвестен абсолютно. Его антисемитская философия не упоминается ни в одном труде о Вагнере, а русский перевод его опер очень далек от оригинального текста. Я понял это только на Западе, близко познакомившись с оригинальными либретто опер Вагнера.

Вначале приведу несколько цитат. В своей книге, одну из глав которой Вагнер называет "Ожидовевшее искусство", он пишет: "Было бы глубочайшей ошибкой отделить Вагнера, мыслителя и философа, от Вагнера-композитора. Может быть, в других случаях это возможно, но в моем – нет". Вагнер не оставляет никаких сомнений в том, что он хочет сказать своей музыкой. В письме к Листу в 1848 году он приглашал его (как Вагнер сам пишет) "…Заниматься музыкальным терроризмом". И действительно, с полным основанием Вагнера можно назвать первым музыкальным террористом нашего времени. И точно так же, как, например, Арафат и его организация заложили краеугольные камни терроризма интернационального, Вагнер является автором теории музыкального терроризма и вообще терроризма в искусстве. Поэтому наше отношение к Вагнеру должно выражаться как отношение к идеологу определенного течения, определенной цели в музыкальном искусстве. И не только в музыке, но и в политике, общественной жизни.

Какова же была его основная цель? Ее Вагнер выражает совершенно ясно в последней главе своей нашумевшей и не перестающей вызывать ожесточенные споры до наших дней книги, одна из глав которой называется "Окончательное решение еврейского вопроса" (кстати, он первый ввел этот термин). Вагнер написал письмо в баварский парламент, в котором предлагал свой план уничтожения евреев. Ни один из музыкантов, и не только музыкантов, но и философов вообще, никогда до Вагнера не выступал с программой уничтожения народа. Даже Ницше, которого трудно заподозрить в симпатиях к евреям, написал ему письмо, где сказал, что за это предложение Вагнер достоин того, "чтобы он умер в тюрьме, а не в своей постели".

В своем письме Вагнеру Ницше заявляет открыто: "Вы не человек, вы просто болезнь".

Вагнер заботился о том, чтобы его идеи были ясно поняты последующими поколениями. Например, на праздновании 68-летия, за год до смерти, Вагнер в ответной речи сказал: "Моя дирижерская палочка еще много раз будет показывать грядущим поколениям, на какой путь они должны стать". Каким же действительно был путь, на который направлял Вагнер последующие поколения? Первая и главная цель – освобождение человечества от евреев. Во-первых, потому что "евреи, как мухи и крысы: чем больше вы их уничтожаете, тем больше они плодятся. Не существует никакого средства, кроме тотального уничтожения. Еврейская раса родилась как враг человечества и всего человеческого. И особенно враг всего немецкого. И до того пока последний еврей не будет уничтожен, немецкое искусство не может спать спокойно".

Эта идея была, как Вагнер сам говорит, "лейтмотивом моей жизни". Посмотрим, совпадают ли его слова, его ненависть к евреям с той музыкой, которую он пишет. Может быть, действительно это только слова, а музыка прекрасна? Вагнер на самом деле не является архитектором новой оперы. В жанре оперы он пользовался новыми приемами, украденными, в частности, у Листа. Не будем переоценивать значение Вагнера в музыке. Он привел жанр оперы в тупик и поэтому не имел последователей. Было, правда, несколько неудачных имитаторов, эпигонов, но, если мы говорим о музыке конца XIX и XX столетий, ни один композитор практически не пошел за Вагнером. Его открытия были сделаны на бесплодной почве. Принцип речитативного развития музыкальной ткани не нашел никаких последователей, потому что был мертв, потому что у Вагнера он был связан со словом и слово было носителем идеи, а идея была сама по себе античеловеческая. В этом – существо творческого банкротства Вагнера.

Вагнер, разговаривая, вещал в очень возвышенно-мистических тонах. "Слово – "самка", которая родилась, для того чтобы быть беременной, и слово беременно моей идеей". А идеи были самые ужасные. Попытаемся связать, например, музыкальными интонациями те слова, которые он вкладывает в уста Миме, персонажа из "Кольца нибелунга". Этот отвратительный карлик – олицетворение еврейства – по желанию Вагнера должен быть таким ужасным, что даже петь обязан с еврейским акцентом.

Я хотел бы отослать сторонников и любителей музыки Вагнера к этим страницам партитуры и потом спросить их, хотят ли они что-либо подобное слушать со сцены в Израиле. К сожалению, все эти тонкости практически неизвестны не только любителям музыки, но часто даже профессионалам-музыкантам. Зато защитникам Вагнера очень хорошо известно, например, о том, что первым дирижером оперы Вагнера "Парсифаль" был еврей Герман Леви, и это важный аргумент в устах защитников Вагнера. Но им нужно вспомнить или знать о том, как все это происходило на самом деле.

Герман Леви по контракту был придворным капельмейстером баварской Королевской капеллы. Оркестр этот не имел права выступать ни с кем другим, кроме Леви. Контракт не мог отменить даже Людвиг Второй, король Баварии. Однако в случае с "Парсифалем" и Германом Леви между Рихардом Вагнером и баварским королем был составлен новый контракт. Тех, кто хочет убедиться в его существовании, мы можем направить в музей немецкого искусства в Мюнхене. Фотокопия этого документа, который очень неохотно дают посетителям, находится в музее Вагнера в Байрейте. А те, кому и то и другое трудно или невозможно, могут найти подробное описание этого контракта в книге Клауса Умбаха "Рихард Вагнер". Контракт этот состоит из трех пунктов. Первый: до того как Герман Леви начнет первую репетицию, он должен креститься. Во втором пункте Вагнер оговаривает себе право никогда не разговаривать даже с крещеным Германом Леви непосредственно, а всегда только через третье лицо. Третий пункт: после первого исполнения "Парсифаля" Вагнер оговаривает себе право в присутствии баварского короля Людвига Второго сказать Герману Леви, что он, как еврей, имеет только одно право – умереть и как можно скорее. Под контрактом есть приписка, сделанная Вагнером и баварским королем: "Контракт был выполнен во всех его пунктах".

Можно попытаться обнаружить начало антисемитизма Вагнера. Он стал юдофобом после смерти его матери и последовавшей вскоре после этого смерти его первой жены Минны Планер, которая была еврейкой. В одном из своих писем в этот период Вагнер неожиданно пишет: "Я был на кладбище и посетил могилу моей любимой собаки" (собака лежала рядом с его женой, но Вагнер пишет только о посещении могилы любимой собаки). Именно в этот момент начинается вспышка зоологического антисемитизма, который не оставляет Вагнера до самой смерти.

Однако вернемся к "Парсифалю", который занимает в творчестве Вагнера особое место. Он называл эту оперу "завещанием для будущих потомков". В предисловии к первому изданию "Парсифаля" Вагнер писал: "В моей опере "Парсифаль" я представляю идею фигуры Христа, которая очищена от еврейской крови". Для Вагнера "Парсифаль", как он сам называет, – это "избавление от Избавителя". Почему нужно избавиться от Христа?. Вагнер пишет дальше: "Ведь в жилах Христа текла еврейская кровь". Отталкиваясь от этого, Вагнер пускается в долгие философствования о том, какая часть еврейской крови может дать право человеку считаться нееврем. И вот что он пишет в своем дневнике и что подтверждает также дневник Козимы Вагнер, его второй жены: "Сначала я пришел к выводу, что одна шестнадцатая доля еврейской крови уже может освободить еврея от его преступления перед человечеством". Кстати, напомним, что эту пропорцию – одна шестнадцатая – Гитлер считал уже достаточной, для того чтобы изолировать, но не уничтожать человека физически. Но потом, как пишет Вагнер: "Я пришел к выводу, что даже одной микроскопической капли крови (он употребляет даже не слово "капля", а "целле" /клетка/), одной микроскопической клетки еврейской крови уже достаточно, чтобы человек никогда не смыл с себя позор быть евреем, и он должен быть уничтожен". Здесь мы видим, что Вагнер пошел даже дальше нацистов. И вот этой-то идее посвятил себя Вагнер в "Парсифале". И еще одна цитата. Вагнер просит, чтобы перед исполнением "Парсифаля" на сцене была разыграна мистерия, в которой "тело Христа будет сожжено вместе с другими евреями как символ избавления от еврейства вообще". Но даже во времена Вагнера никто не решился на подобные вещи. Или приведу такой диалог между Кундри и Парсифалем, когда Кундри не знает, кто пришел, и она говорит: "Кто ты, неизвестный путник? Ты устал, и твои руки обагрены кровью. Но если они обагрены еврейской кровью, тогда ты желанный гость в моем доме".

Герман Леви

После окончания работы над "Парсифалем" Вагнер писал своей жене, что "звуки уничтожения, которые я написал для литавр в соль миноре, олицетворяют гибель всего еврейства, и, поверь мне, я не написал ничего прекраснее". Я хотел бы спросить у защитников Вагнера, знают ли они об этом? И те, кто знает, хотят ли они слушать его произведения, или, может быть, эти слова заставляют задуматься о том, что музыка не всегда является сочетанием звуков, иногда она может быть оружием смерти?

Даже Ницше назвал "Парсифаль" черной мессой. И это действительно так.

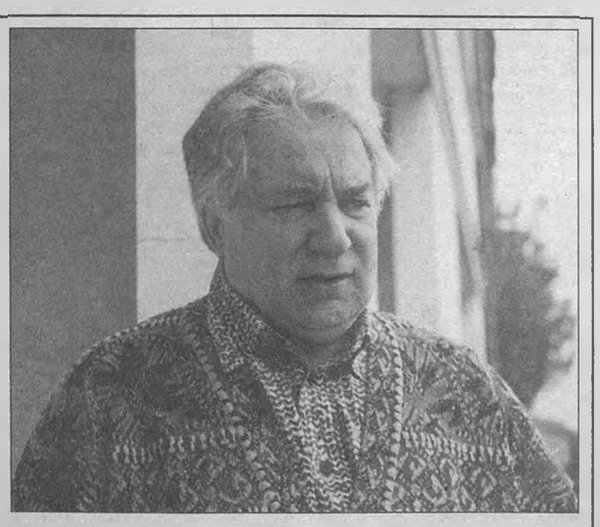
Из того, что Вагнер посеял на музыкальной почве, взошли хорошие всходы. Очень часто можно услышать: "Да, но Вагнер в этом не виноват". К сожалению, все, что пишет сам Вагнер о себе, опровергает подобный подход. Потому что Вагнер не только хотел осуществления своих идей, но даже сказал: "И после нашей смерти (он называл себя во множественном числе, ибо считал, что он и Б-г – это почти одинаковые по важности явления) мы сверху будем следить, чтобы все шло по пути, указанному нами". Именно эти идеи Вагнера были приняты нацистским режимом, и не было необходимости изменять ни мелодию, ни слова – все подходило и без этого.

Вся философия Вагнера – это тенденция разрушения, даже когда он говорит о любви. Еще раз цитирую: "Женщина является депо для приема сперматозоидов. Если это депо иногда проявляет чувства, способствующие оплодотворению (такие, как любовь), то эти чувства можно разрешить. В противном случае их, эти чувства, нужно уничтожить".

Иногда задают вопрос, каким же образом мог человек с такой философией написать "Смерть Изольды" и любовную сцену смерти Изольды? Вагнер даже не ставил себе целью написать сцену человеческой любви. Он прямо пишет, что предпочитал, чтобы смерть Изольды была в спектакле инсценирована вообще без Изольды и без Тристана. Это, как он говорил, "беспрестанные мистические передвижения материи в нужном нам направлении". Например, Чайковский пишет, что "Смерть Изольды" он слушал с огромным вниманием, но когда ушел из театра, то все забыл.

Музыка Вагнера, по словам Ницше, да и самого Вагнера, – это "яд, который одурманивает мозг". Наша цель – как можно скорей избавиться от этого дурмана, пока он не разрушил наш организм. Музыка Вагнера безусловно обладает свойствами наркотиков, но от наркотиков надо вылечиваться. И я думаю, что от музыки Вагнера тоже нужно вылечиться. Есть очень много людей, которые вылечились. Например, мы знаем об отношении Верди к Вагнеру. Верди, который с самого начала был очень увлечен Вагнером, в конце, когда он понял, что это такое, написал в своем дневнике: "Грустно, грустно, грустно, очень грустно. Как бы ни было грустно, но мы должны расстаться с музыкой Вагнера, если не хотим, чтобы нас (он имел в виду музыкантов) уничтожила его злая сила". Вообще все, что связано с уничтожением в любой области, – это обязательно связано с Вагнером.

В жизни существуют позитивное и негативное начала. Негативное начало может быть очень сильным. Никто ни в коем случае не отказывает Вагнеру в музыкальном даровании, которое очень велико. Но мы знаем также такие определения, как "злой дух" или "злой гений".



Юрий Аранович, выпускник Ленинградской консерватории, занимавший пост главного дирижера Государственного оркестра радио и телевидения СССР, уехал в Израиль в 1972 году. Дирижировал в Израиле, затем был главным дирижером симфонических оркестров в Кельне и Стокгольме. Последние годы Юрий Аранович – один из самых востребованных дирижеров Европы, выступает в Италии, Германии, Франции и Израиле, во многих других странах. Живет в Иерусалиме.

Культура. – 2002. – 23–29 мая. – с.14

"Буду дирижировать музыку Вагнера в перчатках"

Из интервью Юрия Арановича последнего времени

Юрий Аранович считается одним из самых убежденных противников Рихарда Вагнера. Свое отношение к личности Вагнера он изложил в нескольких крупных статьях и многочисленных интервью. При этом он дирижировал его произведения в России и в начале своей деятельности на Западе, записал пластинку с Венским оркестром и даже был назван немецкой критикой в числе трех лучших интерпретаторов музыки Вагнера рядом с Вильгельмом Фуртвенглером и Гербертом фон Караяном. Впрочем, вот уже много лет Аранович не прикасается к вагнеровским сочинениям. И вдруг – включает в программу американского турне с Лондонским симфоническим оркестром музыку Вагнера…

– Что произошло? Изменилось отношение к Вагнеру?

– Не изменились ни мы, ни Вагнер, ни наше отношение к нему. Но я хочу подчеркнуть, что никто из вагнеровских противников никогда не призывал бойкотировать его музыку. Во всех своих статьях я говорил о том, что следует провести четкую границу между личностью композитора и его произведениями. Нельзя запретить музыку Вагнера, следует просто знать, о ком идет речь. Действительно, Вагнер – ярый антисемит, апологет антисемитизма, одна из самых мрачных фигур в музыкальной истории. Но ему нельзя отказать в колоссальном мастерстве и огромном таланте, даже гениальности. Я ставил перед собой цель предохранить людей от слепого непонимания личности Вагнера и объяснить им, в каких случаях его музыка смертельно опасна, а в каких – нет. К примеру, если мы возьмем "Шелест леса", "Путешествие по Рейну" или увертюру к "Мейстерзингерам", то даже под микроскопом не сможем разглядеть там и тени антисемитизма.

В Израиле – и это мне особенно близко – существует активное неприятие "команд сверху". Нет такой страны, где правительство подвергалось бы столь резкой критике, как в Израиле. Еврейский мозг в принципе своем резко критический. Мы не выносим, когда нам указывают, что следует писать, а что нельзя, что можно слушать, а что запрещено. Поэтому я считаю, что любой запрет, в том числе музыкальный, здесь невозможен.

– Но мы уже говорили как-то, что неисполнение музыки Вагнера в Израиле стало определенным символом, памятником шести миллионам евреев, погибших в Катастрофе. Мы оцениваем личность Вагнера с позиций страшного геноцида, который пережил наш народ. Что же позволяет Юрию Арановичу сейчас, после долгого перерыва, вернуться к музыке Вагнера?

– В 1881 году, за два года до смерти, когда его антисемитизм практически достиг апогея, Вагнер продирижировал на своем фестивале в Байрёйте "Итальянскую симфонию" Мендельсона. И когда его спросили: "Маэстро, как вы можете исполнять музыку этого еврея?", – Вагнер ответил: "Это великий композитор, а его симфонию я дирижировал в белых перчатках, чтобы не прикасаться к партитуре". Я решил сделать то же самое. Я буду дирижировать музыку Вагнера в перчатках, чтобы не оскорбить его прикосновением еврейской руки. Мне кажется, что если кто-нибудь действительно нуждается в освоении вагнеровского стиля, так это еврейские оркестры. И жаль, если именно мы по причинам, далеким от музыки, навсегда откажемся от исполнения его сочинений. Разумеется, те партитуры опер Вагнера, где он говорит о евреях и своем отношении к ним, я и в руки не возьму. Даже в белых перчатках. Но я убежден, что со временем мы все больше будем отдаляться от личности Вагнера и все больше приближаться к его музыке.